

К. К. КОЧИЕВ

СКИФСКИЙ АРЕС НА КАВКАЗЕ

Перечисляя в своем «Скифском рассказе» почитаемых скифами божеств, Геродот приводит их скифские имена. Лишь скифские «Геракл» и «Арес» названы только именами своих греческих аналогов. Между тем именно Арес, а вернее драматический ритуал поклонения скифскому Аресу, почитавшемуся в образе древнего меча, впечатлил Геродота в наибольшей степени.

Геродот повествует, что ежегодно Аресу приносили в жертву мелкий рогатый скот, лошадей, а также пленников – одного из каждой сотни. Пленников убивали, отрубали у убитых правое плечо вместе с рукой, а кровь собирали в сосуд и выливали на древний меч, водруженный на колоссальном кургане из хвоста (IV, 62).

Остается не вполне понятным, почему Отец истории, пользовавшийся, по-видимому, сведениями достаточно информированных сказителей, не дает скифского имени божества.

Сообщения о поклонении скифов мечу в античной традиции многочисленны и охватывают период в несколько веков¹. Археологические находки наглядно подтверждают данные письменных источников².

Представления о божестве-мече были распространены среди различных племен скифо-сарматского круга. Через восемь веков после Геродота Аммиан Марцеллин рассказывал об аланах, что они «втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют» (XXXI, 2, 23). Иордан (VI в.),

¹ См.: АЛЕКСЕЕВ А. Ю. О скифском Ареце // АСГЭ. – Л., 1980. Вып. 21. – С. 40; БЕССОНОВА С. С. Религиозные представления скифов. – Киев, 1983. – С. 46.

² Высотская Т. Н. Скифские городища. – Симферополь, 1989. – СС. 75-76; БАЛОНОВ Ф. Р. Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – СС. 38-44.

ссылаясь на Приска, также упоминает о древнем мече Марса, который хранили скифские цари и которым завладел Атилла. Иордан приводит рассказ об обстоятельствах, при которых был найден меч скифского Марса (35, 183). Еще несколько столетий спустя, на рубеже XII-XIII вв., Низами Гянджеви живописует некоего алана Ферендже, чтящего «кровь на булатном клинке»³ – и это после христианизации Алании!

Судя по всему, скифо-сарматы и их аланские преемники не расставались с богом-мечом на протяжении практически всей своей истории.

У осетин отголоски древних представлений о боге-мече и почитание меча сохранялись до недавнего времени. Осетинские эпические сказания содержат ряд мотивов, которые уже сопоставлялись со сведениями Геродота о скифском Аресе.

В частности, Ж. Дюмезиль отметил связь между сообщением Геродота об отсечении рук у людей, приносившихся в жертву скифскому Аресу, с мотивом отсечения правой руки убитого врага в Нартовском эпосе осетин⁴.

Однако обычай отрубать руку поверженного врага, представленный в Нартиаде, сохранился и в исторических песнях осетин⁵. Ср. также осетинскую клятвенную формулу: *mae raxiz congaej!* — ‘[клянусь] моей правой рукой!’.

«У осетин некоторые семейства молятся священным мечам. Верование это происходит от аланов Аммиана Марцеллина»⁶, – писал Пфаф в третьей четверти XIX в., не приводя при этом каких-либо фактов. Однако этнографические материалы, записанные в конце XIX – начале XX столетий в различных частях Осетии, содержат информацию, подкрепляющую утверждение Пфафа.

Историю о чудесном мече, который считался священной реликвией и с которым был связан ритуал кровавых жертвоприношений, встречаем в фамильном предании древнего дигорского рода Акъотæ, опубликованном

³ Низами. Искендер-Намз. Пер. К. Липскерова.– М., 1953. – С. 382

⁴ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. – С. 44, след.

⁵ Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин.– Орджоникидзе, 1973.–С. 60.

«Древний обычай отрубать руку врагу и приносить ее как доказательство отмщения встречается и в исторических песнях осетин. В песне о Гегки герой приносит отцу убитого руку убийцы: «Себя ударяя в голову рукой убитого, Гегки подошел к Туалия». В песне «Ларс и Хуха» Хуха отрубает руку убийце своего брата и приносит ее домой».

⁶ Пфаф В. Б. Этнологические исследования об осетинах // ССК. Т. II.– Тифлис, 1872.– С. 132.

впервые в 1899 году (два года спустя была опубликована более полная версия текста)⁷. Этот меч, которому приписывалась волшебная сила, хранился в доме старшего в роду как святыня. В честь меча был установлен праздник, который с большой торжественностьюправлялся ежегодно в мае месяце на равнине у селения Вольно-Христиановского. На этот праздник резали много животных и устраивали большое пиршество, после которого участники возвращались домой с пением и стрельбой. Женщины к участию в празднике не допускались.

Предание гласит, что удар молнии убил корову на пастбище, которая оказалась пробита насеквозди круглым предметом величиною с гусиное яйцо. Некий мудрец объяснил, что убивший корову предмет – орудие пророка Ильи, который управляет громом, молнией и облаками. Мудрец посоветовал изготовить из предмета какое-нибудь орудие. Кузнец изготовил из небесного металла серп, затем переделал его в косу, но пользоваться этими орудиямиказалось невозможноЗ-за их чрезвычайной остроты. Тогда Ако попросил кузнеца сделать из косы меч. Передавая меч заказчику, кузнец сказал: «Носи этот меч на счастье и благоденствие, на победу над врагами и славу твоего потомства!». Ако пожелал тут же испытать меч, и одним взмахом рассек надвое быка, меч же при этом ушел в землю на целую сажень. Меч этот можно было вынуть из ножен, только когда тот чувствовал кровь животных, и Ако поклялся никому не показывать меч. После приобретения меча Ако, который прежде жил в бедности, разбогател. Перед смертью Ако призвал своих сыновей, передал им меч и сказал: «Этот меч должен храниться старшим в роде, никому не показывать, не передавать, пока будет в живых хоть один человек из моего потомства. Пусть этот меч укрепит наше единство и возвеличит наше потомство». От Ако произошло большое потомство, которое носит фамилию по имени своего родоначальника. Соблюдая завет своего предка, Акоевы хранят меч и устраивают в его честь ежегодное празднество.

Известный кавказовед Г. Ф. Чурсин, побывавший в горах Южной Осетии летом 1923 года, впервые сообщил, что среди прочих культовых предметов в святилище Сызгъэрин дзуар у селения Сба в Южной Осетии с давних времен хранился старинный клинок, окруженный ореолом сакральности особого рода.

⁷ Шашка Акоевской фамилии // Терские ведомости.– 1899. № 110; Меч Акоевых: Осетинское предание, записанное Картвели Осебши // Грузинский ежемесячный журнал «Могзаури». – 1901. № IV (приводится по переводу Т. Натадзе в ОРФ СОНИИ. Отд. лит. Ф. 19 (Алборов Б. А.). Оп. 1. Д. 26. Л. 1-3.

Клинок этот как святыню могли видеть раз в год старики, которые имели доступ в святилище. При этом посещении шашку вынимали из ножен и снова вкладывали, – но сделать это мог только тот, кто зарезал какое-либо живое существо, иначе шашка не выходила⁸. Церемония в святилище включала кровавое жертвоприношение, поскольку считалось, что клинок не войдет в ножны, если не будет пролита кровь. Особый интерес представляет предание о происхождении этого меча. Рассказывали, что когда-то с неба упал камень; пастух, взяв его, бросил в корову и пробил ее насквозь. Из этого камня кузнец и выковал шашку.

Мотив изготовления чудесного клинка из небесного металла налицо существует также в предании и песнях о Дзадже Цаликати, участнике делегации осетин-куртатинцев, направлявшейся «к русскому царю», вероятно в 1774 году, и полностью погибшей на обратном пути⁹. Еще об одном предании об изготовлении мечей из упавшей с неба стали упоминает А. Р. Чочиев¹⁰.

Этот мотив встречается не только в преданиях, но и в осетинском нартовском эпосе, где в целом ряде текстов упоминаются мечи из небесной стали.

В абхазской версии эпоса Нартиады также известно сказание, где говорится об изготовлении нартовским кузнецом Айнаром меча для Сасрыквы из найденной Сасрыквой «громовой пули», которую тот принял за ком земли и случайно убил быка, пробив его насквозь, как и в приведенных выше осетинских текстах¹¹. Мотив изготовления оружия из камня, упавшего с неба, встречается и в балкарском нартовском сказании «Рождение Ёрюзмека»¹².

Оружие же вообще и меч в частности в представлениях осетин является неотъемлемым атрибутом святого Георгия – Уастырджи / Уасгерги. Об этом, помимо прочего, свидетельствует паремия: *Йæ ныхас Уастырджийы кардаей цыргъдæр* у ‘слово его острее меча Уастырджи’¹³. В. И. Абаев указывал на черты древнего скифского военного божества у Уастырджи.

⁸ Чурсин Г. Ф. Осетины. Осетины // ТЗНА.– Тифлис, 1924. Вып. 1. – С. 157.

⁹ Хуссар Ирыстоны фольклор.

¹⁰ Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин.– Цхинвали, 1985.– С. 209.

¹¹ Приводится по пересказу с абхазского на русский язык, сделанному В. Г. Ардинбой. См.: Ардинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: Этнокультурные связи. – М., 1988. – С. 270.

¹² Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994. – С. 309

¹³ Ирон аэмбисæндтæ. – Орджоникидзе, 1976. – С. 6.

В этой связи заслуживают внимания сообщения о мечах или других видах клинового оружия длинных форм, хранившихся в святыни Уастырджи¹⁴, которые можно сопоставить со словами Помпония Мелы «Марс у всех [скифских племен] главный бог; вместо изображений посвящают ему мечи и пояса...» (Землеописание. II, 12).

Особый интерес в связи с ролью меча как атрибута Уастырджи представляют два дигорских текста, записанных Г. А. Дзагуровым в 1909–1911 годах в селении Христиановское. Тема сюжета широко распространена в православно-католическом и даже исламском мире – святой (в данном случае Уасгерги) может помочь своему почитателю даже когда другие святые (или сам всевышний) против этого человека. Уасгерги вознаграждает бедняка, поклявшегося его именем и, невзирая на многочисленные трудности и искушения, педантично выполняя обещанное. Но на богача, неоднократно приносившего ложную клятву именем Уасгерги (или бога), он обрушивает жестокое возмездие, в котором мечу Уасгерги принадлежит главная роль. Покидая дом богача, святой оставляет свой меч на стене кунацкой, и семеро сыновей клятвопреступника убивают друг друга, чтобы завладеть мечом. Богач в отчаянии поджигает свой дом, и в огне пожара сгорают все постройки усадьбы, за исключением кунацкой, где висит на стене меч, совершивший акт возмездия¹⁵.

С тем же мотивом возмездия, осуществленного мечом, связана интрига рассказа Приска об Аттиле и мече скифского «Марса», дошедшего до нас в передаче Иордана.

Хотя он (Аттила), естественно, должен был считать, что его ожидает великая судьба, уверенность его укрепилась, когда был найден меч Марса, который скифские цари всегда хранили при себе. Вот при каких обстоятельствах он был обнаружен, по словам историка Приска. Один пастух объявил, что, увидев, как хромает телка из его стада, и не находя причину столь большой раны, он был встревожен, пошел по кровавым следам и дошел до этого меча, на который, проходя, наступила телка. Он тут же откопал его и отнес в подарок Аттиле. Тот принял меч с радостью и, так как был очень честолюбив, то решил, что избран властелином мира и поскольку меч был марсов, что ему суждено превосходство в войнах (Иордан, 35, 183).

¹⁴ Дзаттиаты Р. Г. К вопросу о воинских божествах осетин // Известия ЮОНИИ.– 1987. Вып. XXXI. – С. 47.

¹⁵ Осетинские народные сказки. Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г. А. Дзагурова. – М., 1973. С. 472. Ср. С. 478.

Жорж Дюмезиль, посвятивший этой истории специальный очерк, трактует сюжет следующим образом: «Находка *gladius Martis* в конце концов оборачивается коварным подвохом (...) Подвох заключался в самом мече, заставившем себя обнаружить; иначе говоря, его протянул Аттиле тот бог, для которого меч – не только оружие, но и, по словам Геродота, *αὐαλῆς* (...) Именно меч (...) взял на себя непосильное для людей возмездие (...) В общем, по рассказу, Аттила был обманут скифским божеством: гунн решил, что может воспользоваться благом, предвещанным обладателю меча, но пригодным лишь для скифов, и не понял, что для их врагов в мече заключается угроза (...) Меч скифского Ареса под видом царского талисмана навязал себя Аттиле и обрек его на поражение»¹⁶.

По мнению Дюмезиля, история, переданная Приском, имеет скифское происхождение и была призвана играть роль идеологической компенсации за понесенное в войне с гуннами поражение. Французский ученый сопоставляет этот сюжет с многочисленными примерами из нартовских сказаний, где при нападении на нартов вмешательство в события героя, который пришел на смену скифскому Аресу (Батраз осетинской Нартиады), принимает сначала неопределенный, а затем фатальный для врага нартов оборот¹⁷.

Указывая на особую связь Батраза с мечом в эпических сказаниях осетин, Жорж Дюмезиль видит в нем наследника скифского Ареса и рассматривает сюжет о кончине Батраза как отражение культовых реалий¹⁸.

Отметим, что этот знаменитый сюжет представлен также в записанном Г. Дзагуровым дигорском сказании, где вместо Батраза фигурирует Уасгерги! В тексте, который отражает заметное воздействие мусульманской традиции, говорится о том, что когда Уасгерги расставался с миром, то шашку свою он вручил сыну и велел бросить в море из опасения, что если она останется на земле, то люди истребят ею друг друга. Уасгерги догадывается, что сын не выполнил его повеления, и настаивает, чтобы все было исполнено в точности¹⁹. Говоря о замене имени Батраза на Уасгерги в этом тексте, отметим слова другого сказителя, констатировавшего, что «теперь Батраза зовут Уаскиргием»²⁰.

Другие герои, связанные с мечом в эпосе, – близнецы Ахсар и Ахсартаг. В сказании «Меч Ахсара» говорится, как нарты Ахсар и Ахсартаг

¹⁶ ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Скифы и нарты.– М., 1990. – СС. 62-63.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ Там же. СС. 14-23.

¹⁹ Осетинские народные сказки.– М., 1973. – С. 496.

²⁰ МИЛЛЕР В. Ф. Осетинские этюды. Ч. I.– М., 1881. – С. 149.

добыли небесный металл *арвызгъэр*, упавший из внезапно отворившейся небесной двери, а небесный кузнец Курдалагон выковал для братьев из небесной стали по мечу²¹.

В отношении связи Ахсара с мечом нельзя пройти мимо древнего осетинского названия меча – *æxsar* (в современном языке – *æxsargard*), которое было широко употребительно еще в начале прошлого столетия²² наряду с *kard* ‘меч’, но в современном языке воспринимается как архаизм, и сохранилось в этом значении во многочисленных фразеологизмах, напр., *de'xsar ætæ tæ bærzæj* – букв. ‘твой меч и моя шея’, *nærtan læg æxsary byn offytæ næ kæny* – ‘нартовский муж под мечом не охает’, *æxsary byn “wæw, æna” næf*²³ – ‘под мечом “ой, мама” не поможет’ или *cubig khux fælæ darhæxsarægin* – ‘бедные, но отважные’, букв. ‘короткорукые, но с длинным мечом’²⁴. Ср. также композит с переносом значения *ælvæstæxsar* ‘смелый, храбрый’, букв. ‘с обнаженным мечом’²⁵. В то же время *æxsar* в значении ‘доброта’, ‘отвага’ отчетливо ассоциируется с мечом. В осетинском этногенетическом предании повествуется, что при разделе наследства предка осетин Ос-Багатара одному из его сыновей – Агузу – достался меч (*kard*) и потому боевая доблесть (*æxsar*) стала достоянием его рода²⁶.

Осет. *æxsar* восходит к др. иран. *xšaθra-, ар. *ksatra-, которое обозначало одно из важнейших религиозно-мировоззренческих понятий индо-иранского мира. Исходная семантика термина – ‘военная сила’, ‘военная доблесть’, ‘могущество’, ‘военное сословие’. Осетинский язык сохранил обширную семантическую парадигму этого древнего термина от ‘боевой доблести’ до ‘силы’ и ‘ власти’²⁷. Слово это широко представлено как в древнеиранской, так и в осетинской ономастике²⁸.

В зороастриском вероучении понятие *xšaθra-, осмыслившееся как мистическая абстракция, связывается с фигурой Митры, который в

²¹ Нарты каджытæ.– Орджоникидзе, 1989. – Ф. 175.

²² ТЕХОВ Ф. Д. О структуре сложных военных терминов в осетинском языке // Вопросы осетинского языкоznания.– Орджоникидзе, 1977.– С. 93; ТЕДЕЕВА О. Г. Ахсар – «меч» // Проблемы осетинского языкоznания. –Орджоникидзе, 1984. Вып. I. – СС. 14–15.

²³ Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. П. – Дзæуджыхъæу, 1961.– Ф. 426.

²⁴ Ирон æmbisændtæ.– Орджоникидзе, 1976. – Ф. 231; ТЕДЕЕВА О. Г. Указ. соч. С. 15.

²⁵ ТЕХОВ Ф. Д. Указ. соч. С. 93. Прим. 8.

²⁶ Xussar iron adæmy wacmystæ. II činyg. Cxinval. 1929. – F. 150.

²⁷ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь. Т. IV. – С. 224.

²⁸ ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии.– М., 1970.– СС. 209, 261.

качестве военного бога зовется **xšaθrōdā*²⁹. В то же время **xšaθra-* персонифицируется в образе одного из семи «бессмертных святых» Амэша-Спэнта – Хшатра-Вайрйа – ‘желанная власть’. Хшатра-Вайрйа считался владыкой небес из камня, защищающих своим сводом землю, а также всего каменного; он являлся и покровителем мужчин, которые в качестве воинов применяли оружие – стрелы и копья с кремниевыми наконечниками, пращи и каменные булавы – для защиты племени или грабежа. Позднее, в связи с развитием материальной культуры, Хшатра делается патроном металлов³⁰. В связи с осет. *aexsar* ‘меч’ особенно примечательно, что в зороастрийской традиции название Хшатра-Вайрйа использовалось также для обозначения металла и металлических предметов, включая оружие³¹, а небо в позднезороастрийском сочинении Дадестан-и Меног-и Храд («Суждения Духа Разума») описывается как сделанное из «блестящего железа, которое называют также “сталь”»³². В кушанской иконографии Хшатра-Вайрйа изображался как воин в доспехах и с оружием, а посвященный ему четвертый день месяца (пехл. шахревар) считался благоприятным для предпринятия военных действий³³.

Зороастрийский пантеон в значительной своей части генетически связан с дозороастрийскими верованиями иранских племен; принимая во внимание существование в осетинском эпосе героя с именем,озвученным зороастрийскому Хшатра, можно допустить, что божество созвучным именем было известно у иранцев и до оформления учения Заратушты.

Однако персонажа с именем Ахсар в осетинском пантеоне нет. Зато у кавказских соседей осетин, грузинских горцев Пшав-Хевсуретии, в прошлом большим почитанием пользовалось божество Иахсар, чье имя, по мнению В. И. Абаева, представляет заимствование из аланского **xsar-* с закономерным наращением начального протетического *u*³⁴.

²⁹ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь. Т. IV. – С. 225.

³⁰ БОЙС М. Зороастрийцы. Верования и обычаи (пер. с англ.). – М., 1977. – СС. 34, 53; ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М., 1986. – СС. 34-35, 221; ЛЕЛЕКОВ Л. А. Амеша-Спента // Мифы народов мира. Т. I. – М., 1991. – С. 67.

³¹ Иллюстрированная история религии. Т. II.

³² Зороастрийские тексты. Изд. подготовл. О. М. ЧУМАКОВОЙ. – М., 1997. – С. 91.

³³ Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со средне-перс, введ., comment. и глоссарий О. М. ЧУМАКОВОЙ. М. 1987. – С. 35.

³⁴ АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. – М., 1989. – С. 224-225. См. также: АНДРОНИКАШВИЛИ М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.). – Тбилиси, 1966. – С. 130.

Семантика имени Иахсар соответствует характеристике этого божества в пшавско-хевсурском фольклоре, где он выступает в качестве бесстрашного воителя, одного из предводителей небесного воинства. Иахсар истребляет злые силы – дэвов, каджей, чертей. С ним связывается решающая победа над дэвами, притеснявшими жителей Пшав-Хевсуретии; после нанесенного им разгрома дэвы покинули страну, превратившись в невидимые существа. Примечательно, что Иахсар воспринимается как двойник другого местного божества – Копала, наделенного сходными чертами³⁵.

В опубликованной в 1998 г. работе³⁶ нами была предпринята попытка на основе сопоставления осетинских и пшав-хевсурских мифологических представлений и фольклорных мотивов показать генетическую связь между Иахсаром и персонажами осетинской фольклорно-мифологической традиции. Анализ показал, что истоки как осетинских, так и пшав-хевсурских представлений связаны с древним алансским/скифским божеством, для которого реконструируется имя *Ахсар(t). Это дает основание предполагать, что отсутствие в сообщениях Геродота и других античных источников скифского (древнеосетинского) имени столь чтимого скифо-сарматами божества объяснялось тем, что словом *xsar(t)* назывался также и меч, о культе которого у скифов и аланов сообщают античные источники. Позднее это имя божества могло выйти из употребления по тем или иным причинам, хотя сам его образ сохранялся под другими именами.

Возвращаясь к детально изученному в литературе сюжету о кончине Батраза – наследника скифского Ареса/сарматского Марса, которого замещает Уасгерги в записанных Г. Дзагуровым дигорских текстах, следует отметить, что эти повествования о гибели бога-меча были поэтическим преувеличением. Скифский Арес или аланский Марс – древний бог меча – пережил даже революционные потрясения и гражданскую войну, и даже из беглых этнографических зарисовок конца XIX – начала XX столетия видно, как мало он изменился; как и прежде, он требует кровавых жертв, хотя аппетиты его поубавились – *tempora mutantur*, и ритуальные убийства пленников очевидно шокировали бы общественное мнение в Осетии в последние несколько столетий.

³⁵ ВИРСАЛАДЗЕ Е. Б. Мифы // Грузинское народное поэтическое творчество (пер. с груз.). – Тбилиси, 1972.– С. 225-226; ОЧИАУРИ Т. А. Иахсари // Мифы народов мира. Т. I.– М., 1991. – С. 477.

³⁶ КОЧИЕВ К. К. Реликт дохристианской религии алан в Пшав-Хевсуретии (Иахсар/Ахсар) // Известия Юго-Осетинского НИИ.– Цхинвал, 1998. Вып. XXXV.

Осетинские предания и ритуалы, связанные с мечами, хранившими-ся у рода Акъотæ и в святилище Сыгъзæрин дзуар, не только поражают удивительным сходством с описанным Геродотом празднеством в честь скифского Ареса, но и дают надежный материал для реконструкции связанных с культом божества-меча представлений скифо-сарматских племен. Можно с уверенностью утверждать, что эти представления далеко выходили за рамки исключительно военного культа, но были также связаны с идеями плодородия и космического порядка.

В то же время это еще одно напоминание о том, что Кавказ, с давних времен ставший родиной для осколков народов, вынужденных в силу исторических обстоятельств искать убежища в горных ущельях, фактически представляет собой уникальный музей, где вплоть до настоящего времени сохранились реликты считающихся исчезнувшими культур.

Привлечение фактов этнографии и фольклора кавказских народов, сопоставительный анализ комплексов материалов различных этнических традиций в перспективе может расширить источниковую базу осетиноведения и принести интересные и ценные результаты для разработки проблем культурно-исторического наследия осетин, интерпретации и реконструкции картины аланских и скифо-сарматских древностей.

KOCHIEV K. K.

THE SCYTHIAN ARES IN THE CAUCASUS

SUMMARY

In the message of Herodotus concerning the deities esteemed by the Scythians the special place belongs to Ares, esteemed in an image of ancient sword. Herodotus pays special attention to drama ritual (4, 62), made in honour of this deity, however he does not mention its Scythian name. The evidences about Scythians' religion in classical tradition are numerous and cover the period about some centuries.

The remnants of ancient representations about the god – sword and reverence of sword were saved until recently among Ossetians. In Nart's epic the motive of manufacturing of sword from the stones fallen from heavens and which have killed the cow is well known. The same motive is submitted in a number of Ossetian legends about ancient swords,

esteemed as family relics. Some rituals were annually made in honour of them, including sacrificing of cattle. The well-being and prosperity of a family, owning them were linked with these swords.

The data of Ossetian language, folklore and traditional beliefs enable us to assert, that Ossetians have saved an extensive complex of representations about this ancient deity, and allow to judge its importance in the life of Ossetians' ancestors. It is possible to assert, that the representations about it extended far from a military cult, but also were connected with ideas of fertility and space order.